

Прогуливаясь вдоль лесных троп: антропология против санитарных кордонов

Correspondences

TIM INGOLD

Cambridge: Polity Press, 2021. – 240 p.

Могут ли эксперименты, произведенные через окно (то есть в теории), на что-то претендовать – или же в стремлении к познанию все же придется выйти за дверь?

ВИЛЕМ ФЛЮССЕР. «О положении вещей»¹

ОСВОБОДИТЬ СЛОВА ИЗ КАРАНТИНА АКАДЕМИИ

Денис Шалагинов
(р. 1986) – философ,
переводчик, независи-
мый исследователь.

Как разрушить возведенную теоретическим курсом стену между словом и миром? Как создать условия для их встречи, не давая слову превратиться в возвышающееся над миром понятие, через которое утверждается власть суверенной перспективы абстрактного разума? В новой книге с говорящим названием «Корреспонденции»² британский антрополог Тим Ингольд рекомендует подойти к этой проблеме «эпистолярно»: отбросить академические условности вкупе с экспертным анализом и писать как *любитель* – не ради академической карьеры, а из искренней *любви* к теме. Как утверждает Ингольд, в таком режиме теория погружается в материалы и силы обитаемого мира, вплетаясь в его текстуры и тем самым создавая условия для «переписки» с деревьями, камнями, землей, небом, морями, реками, ветрами, ракушками и песчинками – все они становятся персонажами представленных в книге эссе. В русле развиваемой автором поэтики обитания любовь является собирающей силой, а любитель – «корреспондентом», внимательным к миру и сонастраивающим свои движения с потоками его элементов. Отвечая друг другу, эти элементы непрерывно пишут мультилинейную историю – историю мира, где пафос лица, начертанного на

¹ Флюссер В. *О положении вещей. Малая философия дизайна*. М.: Ad Marginem, 2016. С. 94.

² См. также более раннюю версию книги: INGOLD T. *Correspondences*. Aberdeen: Aberdeen University, 2017. Сборник в нынешнем виде дополнен восемнадцатью новыми эссе, но не обошлось и без потерь: некоторые старые материалы – в частности, интервью – в новую книгу не вошли.

песке, лишается всякого смысла, растворяясь в судьбах самих песчинок, захваченных процессом неукротимых метаморфоз.

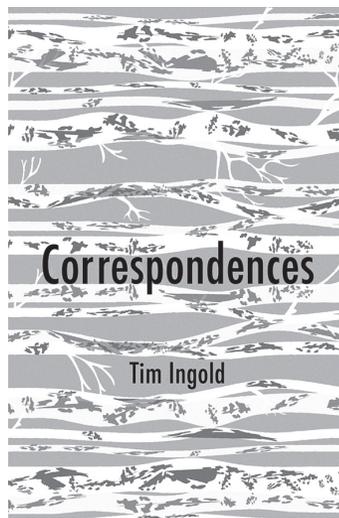
Но каков смысл переориентации, к которой взывает Ингольд? Не равнозначен ли этот подход отказу от теории как таковой – в исходном значении созерцательного познания, не связанного с опытом? В более раннем тексте антрополог утверждает, что, пока мы сидим в своих домах, аудиториях или конференц-залах, окружающая среда проносится у нас перед глазами в образах ландшафтов, дикой природы и тому подобного; то есть мир сводится к изображению, а мы забываем, что мир этот не столько созерцаемый, сколько обитаемый. «Я хотел бы, – заявляет Ингольд, – чтобы вы прогулялись на свежем воздухе, напомним себе об этом»³. По сути дела «Корреспонденции» иницируют как раз такую прогулку – *прогулку по лесу*, если быть точным. Ведь во введении сказано, что войти в книгу можно с любого места, читая собранные в ней эссе в произвольном порядке, «как во время лесной прогулки, когда вы можете выбрать какое угодно число альтернативных маршрутов» (р. 16). В этом смысле страницы книги становятся землей, а строки – тропинками.

Надо заметить, что выбор места для прогулки отнюдь не случаен, поскольку, с точки зрения Ингольда, лес есть пространство конвивиальности и мать всех материалов: собирая в себе нити множественных существований, деревья оказываются эталоном социальности. А в основе последней лежит именно то, что антрополог называет *корреспонденцией*. Этот концепт (эта метафора?) едва ли поддается однозначному переводу: с одной стороны, речь идет о переписке, с другой, – о «со-ответствии», то есть об отзывчивости, резонансе или, в широком смысле, вовлеченности в мир жизни. Как заметил Морис Мерло-Понти – один из ключевых авторов для Ингольда, – утрата такой вовлеченности ведет к тому, что «тело падает и вновь становится объектом»⁴. Именно такие объекты – изолированные от мира и упакованные в понятия – изучает теория в исходном значении, но, по словам Ингольда, теоретическая работа отнюдь не обязана иметь дело с «гиперабстракциями», утратившими связь с опытом, а вполне может быть укоренена в материалах и силах обитаемого мира (р. 14). Вопрос, однако, в том, будет ли она все еще *теорией*? Или станет чем-то другим?

С одной стороны, по словам Ингольда, «это не совсем теория» – не метод, не техника и не набор упорядоченных шагов для достижения predeterminedенной цели, – а «средство продолжать и продолжаться, то есть проживать жизнь с другими» (р. 200), двигаясь не от точки к точке, а *вдоль*, как ручей, размывающий

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

ПРОГУЛИВАЯСЬ ВДОЛЬ
ЛЕСНЫХ ТРОП...

3 ИДЕМ. *Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description*. London; New York: Routledge, 2011. P. 95.

4 МЕРЛО-ПОНТИ М. *Феноменология восприятия*. СПб.: Ювента; Наука, 1999. С. 327.

оба своих берега⁵. С другой стороны, это «не совсем» теории говорит не столько об отказе от нее, сколько о ее переводе в режим корреспонденции. В одном из интервью, не вошедших в новую версию сборника, Ингольд проясняет эту мысль, заявляя, что необходимо освободить антропологию от этнографии: если вторая скована обязательством репрезентации, то первая может быть спекулятивной дисциплиной, в этом отношении сопоставимой с архитектурой и искусством⁶. Но главное, что антропология может со-ответствовать искусству, мысля *вместе* с ним, а не создавая его теорию. Таким образом, в антропологии практика *вгибается* в теорию: антропология в этом понимании оказывается познанием через делание – практикой теории как модуса обитания, или практической теорией, идущей «путем искусства» (р. 14–15). Этот момент приобретает особое значение в ходе разговора о «Корреспонденциях», так как, во-первых, многие из собранных здесь текстов написаны «в ответ» на художественные произведения и, во-вторых, книга вторгается на территорию поэзии – в сборник вошли «любительские» стихотворения «О вымирании» (р. 148–151) и «Складка» (р. 177–179). Этот поэтический уклон перформативен, поскольку разыгрывает ключевую идею книги: будучи основным средством корреспонденции, слова «опосредуют поэтику обитания», однако «вместо того, чтобы обитать в мире поэтически, мы создали небольшую нишу в обитаемом мире для поэтов» (р. 197). Таким образом, сама поэзия специализируется, или территориализуется, превращаясь из «земной вещи» в «музейный объект», а значит, играет по правилам мира, который «захвачен дьявольской спиралью презрения к слову» и полагается только на «объективные принципы рационального управления» (р. 207–208). В этом свете любитель предстает концептуальным персонажем, прокладывающим тропу сопротивления научно-техническому разуму, который подчиняет слово императиву размещения.

Если поэт, следуя этому требованию, становится «специалистом по метафорам», то академический исследователь, напротив, должен быть уверен в стерильности своего языка. Он использует слово как хирургический инструмент, предназначенный не для общения, а для расчленения – артикуляции, нацеленной на «объективность». Но последняя, по мысли Ингольда, блокирует корреспонденцию. В итоге исследователи не учатся *вместе* с миром, а подходят к нему так, будто «достигли высот

5 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 45.

6 INGOLD T. *Correspondences* [2017]. P. 125–126. О недовольстве этнографией см.: INGOLD T., MACDOUGALL S. *Enough about Ethnography: An Interview with Tim Ingold* // *Cultural Anthropology*. 2016. April 5 (<https://culanth.org/fieldsights/enough-about-ethnography-an-interview-with-tim-ingold>).

интеллектуального превосходства, с коих вещи раскрываются с ясностью и определенностью, недоступными простонародью» (р. 198). Исходя из этого антрополог заключает: дабы преодолеть построенный традиционной теорией барьер между словом и миром, нужно высвободить слова из санитарного кордона академии. Поэтизировать теорию, скорее исполнять письмо, чем писать об исполнении, то есть экспериментировать с материалами и формами так, чтобы слова не замыкали вещи в «коробках» дефиниций, ведь «мы обитаем в мире, а не в коробке; коробка либо открыта, либо закрыта; ткань мира, однако, складчата» (р. 217).

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ
ПРОГУЛИВАЯСЬ ВДОЛЬ
ЛЕСНЫХ ТРОП...

Если поэт становится «специалистом по метафорам», то академический исследователь, напротив, должен быть уверен в стерильности своего языка. Он использует слово как хирургический инструмент, предназначенный не для общения, а для расчленения – артикуляции, нацеленной на «объективность».

ПОРИСТЫЕ ПОВЕРХНОСТИ, ОТЗЫВЧИВЫЕ НИТИ

Прогуливаясь вдоль лесных троп, можно заметить, что сами тропинки подобны складкам в земной поверхности (р. 26). Более того, деревья вокруг сплетаются и вкладываются друг в друга так, что невозможно определить, где кончается одно и начинается другое (р. 19). Складка, пожалуй, является ключевым образом в сборнике, поскольку описывая динамику одностороннего различения, он позволяет Ингольду мыслить вещи неизоллированными, пребывающими в непрерывной корреспонденции и неотделимыми от земли (*ground*), в которую они «вписывают» свои тропы. Как утверждает Ингольд, земля – это не фундамент и не сцена, а многосложная, скомканная поверхность, и, «хотя можно отличить тропу от земли, в которую она вписана, [...] земля от тропы отличить нельзя» (р. 25–26). Описываемый с помощью этого инструментария мир есть мир переплетающихся множественных историй – например, самой своей сингулярной формой снежинка рассказывает историю своего падения на землю (р. 76); более того, она и есть эта история, то есть неповторимая «тропа» различения. Продвигаясь сквозь мир и попутно вступая во взаимоотнообразующий резонанс с другими историями, вещи прокладывают такие тропы, которые можно сравнить со сгибами на поверхности листа

бумаги. Это сопоставление позволяет лучше понять развиваемую Ингольдом онтологию становления – или, в его терминах, «онтогению» (р. 8): хотя складки множественны, они являются вариациями одной, как линии, формирующиеся в смятой, а затем разглаженной бумаге (р. 177). Такой «бумаге» обитаемого мира полностью посвящен третий раздел книги, поэтому следует рассмотреть эту тематическую линию чуть подробнее.

В первом эссе, включенном в раздел, Ингольд вспоминает об игре «Камень, ножницы, бумага», которая появилась в Китае не меньше двух тысяч лет назад, но сегодня знакома практически каждому. Антрополог использует эту игру в качестве модели для описания земли, которая появляется в результате схождения и взаимовлияния трех элементов: земли (*earth*), атмосферы и обитателей. Первая встает на место бумаги, вторая – камня, а третьи играют роль ножниц. В ходе роста и перемещения обитатели «разрезают» земную ткань, оставляя на ней следы и вплетая в нее свои тропы. В свою очередь земля, испытывающая воздействие геоморфологических сил, извергается, что порождает искривления, трещины и разрывы. Наконец, атмосфера – со своими ветрами, штормами и осадками – размывает поверхность земли, стирая следы ее обитателей. Таким образом, утверждает Ингольд, мы получаем круговорот вписывания, извержения и эрозии, которые постоянно перекраивают землю (р. 86). Антрополог уподобляет ее палимпсесту, погруженному в непрерывный цикл письма и стирания. Любопытная особенность такого понимания заключается в том, что «в земле, как на пергаменте, прошлое не погребено под настоящим, а в действительности расположено ближе всего к поверхности» (р. 89). Пребывая между землей и атмосферой, земля, однако, является не интерфейсом, а зоной взаимопроникновения и смешения земных материалов с атмосферными потоками, то есть корреспонденции стихий, в ходе которой и формируется обитаемый мир, или мир жизни.

Разговор о мире жизни – сквозная тема работ Ингольда, и обсуждаемый сборник не исключение. Такой мир во многом соответствует тому, что в эссе «Та, Да, Ча!» именуется вегетативным порядком, который в корне расходится с порядком артефактов: если первый воплощает принципы роста и отклонения и превалирует в лесу, то второй связан с работой интеллекта, укладывающего непослушные материалы в статичные формы, и представлен многообразием спроектированных объектов, которые доминируют в современных городах. Здесь турбулентность мира постоянно сдерживается через производство непроницаемых поверхностей. Примером такой поверхности могла бы послужить мостовая. В отличие от земли, у которой нет ни верха, ни низа, а лишь середина, где земля

поднимается, чтобы встретиться с небом, «мощенная поверхность, твердая и неподатливая, закрывает землю внизу от контакта с воздухом наверху. У нее есть верхняя и нижняя стороны» (р. 101). Это сопоставление указывает на ключевую характеристику земной поверхности: не будучи ни покровом, ни настилом, она бесконечно пориста. В конечном счете именно эту пористость, или «способность дышать», стремится заблокировать утверждаемый интеллектом порядок артефактов, и все же «поверхность, которая кажется интегральной невооруженному глазу, на молекулярном уровне больше похожа на сито», то есть «в ней полно дыр» (р. 46). А значит, дезинтеграция границы между поверхностью и средой – это лишь вопрос времени, и, как говорит Ингольд, «требуется совсем немного, чтобы процарапать поверхность мира артефактов и тем самым высвободить вегетативную силу материалов из их артефактного футляра, вернув город в леса» (ibid.). Соответственно, такие процессы, как дезинтеграция, коррозия, деформации и им подобные, в развиваемом антропологом подходе трактуются строго позитивно, как выражения жизни вещей и текучести материалов. Этот позитивный подход к распаду, как несложно догадаться, напрямую связан с противостоянием автора теоретической логики модерна, так как «общая тенденция модерна состояла в попытках спроектировать мир так, чтобы он как можно больше соответствовал [*conforms*] тому, что всегда говорили о нем его [модерна] теоретики»⁷. Выражаясь в духе Ингольда, мы могли бы сказать, что теоретическая машина модерна движется *вопреки* миру, а не *вместе* с ним; то есть абстрактный разум «нарезает» среду на дискретные объекты, вместо того, чтобы сочетать свою энергию с динамикой ее потоков. Стало быть, декларативно расколдовывая мир, модерн на деле заколдовывает его посредством понятийных разграничений.

Тематическую линию движения *вместе*, а не *вопреки* отличной иллюстрирует эпизод из эссе «Жизнь камня» – спор камня с бетоном о том, «кто из них продержится дольше». Под воздействием «пропаганды своих производителей» бетон самоуверенно утверждает:

«Я – новый волшебный камень. [...] Я тверже, сильнее, могущественнее. Для всякого современного [*modern*] строителя храма я – избранный материал. Ведь я могу принять какую угодно форму, и она будет держаться вечно» (р. 141).

Но камень знает, что все это «пустое хвастовство», ведь «нельзя ускорить время»:

7 INGOLD T. *Correspondences* [2017]. P. 123.

«Так что же говорит бетон? Что нужны не тысячелетия, а всего несколько дней, дабы затвердеть, превратившись в камень столь прочный, что он никогда не износится!» (ibid.).

Если камень движется и развивается *с течением* времени, то бетон, современный материал, гомогенный и лишенный прошлого и истории, хочет отменить время с помощью рациональной магии своих производителей. Однако, заключает Ингольд, «это миф – думать, что камень может быть создан в одно мгновение», а «вечный» бетон рано или поздно раскрошится.

Говоря о поверхностях в мире материалов, едва ли можно пройти мимо излюбленной темы Ингольда, а именно – линий. Им посвящены несколько текстов, вошедших в сборник. Наиболее репрезентативным из них, пожалуй, является эссе «Выводя нить на прогулку», где прослеживаются сквозные мотивы линеалогии⁸. Текст предваряется тезисом, хорошо известным читателю предыдущих работ Ингольда:

«В мире материалов не может быть линий без поверхностей и поверхностей без линий. Где бы ни существовали поверхности, они должны были неким образом сформироваться в результате линейного переплетения материалов. И везде, где есть линии, они должны быть либо прослежены на поверхности, либо пронизывать ее. Но такие виды линий, как следы и нити, обладают принципиально разными свойствами» (p. 180).

Распутывая хитросплетения их свойств, антрополог подробно разбирает отношение нитей и поверхностей, которое раскрывается через сравнение клубка шерсти с игровым мячом. Если мячи суть дискретные объекты с непрерывными сферическими поверхностями, то клубок шерсти, несмотря на сферическую форму, не обладает когерентной поверхностью; попытавшись отыскать ее, мы попросту разматываем сам клубок, и он превратится в нить. Таким образом, пишет Ингольд, «клубок шерсти всегда является “становлением клубком”, а линия становления есть нить» (p. 182). При наличии спиц можно превратить нити в узлы и с помощью повторяющихся движений создать ткань. При этом важно, что сама нить не является ни клубком, ни тканью, ни тем, что соединяет одно с другим, а представляет собой «становление клубка тканью» (p. 184). Согласно Ингольду, нити держатся вместе благодаря симпатии, то есть корреспондируют, ритмически отзываются, а сплетаемая из них «полифоническая» ткань сродни музыкальной композиции (p. 186). Полифонический подход к синтезу переносится здесь на жизнь

8 Линеалогия, или сравнительная антропология линий, – экспериментальный проект Ингольда, посвященный исследованию разнообразных линий и связанных с ними практик. См.: ИДЕМ. *Lines: A Brief History*. London; New York: Routledge, 2007; ИДЕМ. *The Life of Lines*. London; New York: Routledge, 2015.

как таковую. Например, разрезание клубка шерсти уподобляется рассечению живой плоти, которая в этом смысле есть не что иное, как ткань из отзывчивых нитей-голосов. Однако плоть – лишь одна половина живого тела, его видимая «ипостась», тогда как другая, обычно невидимая, сделана из воздуха.

ДЕНИС ШЛАГИНОВ
ПРОГУЛИВАЯСЬ ВДОЛЬ
ЛЕСНЫХ ТРОП...

ОБРЕТАЯ СПОСОБНОСТЬ ДЫШАТЬ

В работе «Жизнь линий» (2015) Ингольд решает дополнить разрабатываемый им подход к изучению линий своеобразной «метеорологией», которая не сводилась бы ни к науке, ни к эстетике, а главным предметом такого рода дисциплины была бы атмосфера, понятая как слияние аффективного с космическим. Надо ли говорить, что воздух, исследуемый с этих позиций, будет вовсе не смесью кислорода, азота, аргона, водорода и углекислого газа. Но тогда чем? В одном из фрагментов «Жизни линий» Ингольд отвечает на этот вопрос так:

«Это не тот воздух, который физика или химия определяют по его молекулярному составу и который мог бы прекрасно существовать в газообразном состоянии в отсутствие людей или каких-либо других существ, которые им дышат. Вдыхаемый и выдыхаемый, этот воздух скорее переносит наши аффективные жизни, изливающиеся в окружающий нас мир. Воздух в этом смысле, подобно ветру и погоде, проживается, а не записывается. “Я не могу дышать, – говорит задыхающийся человек, – дайте мне воздуха!” Вновь быть способным дышать – вот что такое воздух. Действительно, можно сказать, что воздух есть изнанка дыхания»⁹.

Эссе «В тени древесного бытия», написанное в ответ на работы художника и скульптора Джузеппе Пеноне – одного из зачинателей *Arte Povera*, – разворачивает эту концепцию воздуха и дыхания в неожиданном направлении. Как сказано выше, у тела две половины. Они пребывают в непрерывном взаимопроникновении благодаря коже, так как последняя не покров, отделяющий внешнее от внутреннего, а пористая поверхность «необычайной топологической сложности», или *складка*, обеспечивающая обмен веществ со средой. По словам Ингольда, хотя воздушная половина тела всегда с нами, мы склонны игнорировать ее, считая себя сугубо плотскими существами. Схожим образом, гуляя по лесу, мы видим лишь половину дерева, забывая о его двойнике, коим выступает ветер, и, хотя дыхание деревьев незримо, его можно расслышать в шелесте листьев. А теперь, предлагает Ингольд, «представьте

9 Ibid. P. 79.

себе тело, вывернутое наизнанку, так что его дыхание является земным, а плоть – воздушной» (р. 34). Такая воздушная плоть стала бы невидимой, а «в ее середине образовалась бы древо-видная структура, ее ствол – дыхательное горло, ее ветви и сучки – бронхиальные и бронхиолярные трубки, ее листья – альвеолы» (р. 36). Если в древесном бытии становится воздушным то, что материально в теле человека, тогда дерево в каком-то смысле позволяет увидеть невидимое в нас самих – скажем, его дендритная структура выявляет легкие, а форма кроны – дыхание. Более того, «деревья, – напоминает Ингольд, – даже дышат наоборот: то, что мы вдыхаем, деревья выдыхают», и в этом смысле «тело и дерево подобны руке и перчатке» (ibid.). Этот мысленный эксперимент, не претендующий ни на какую «научность», является превосходным примером корреспонденции с деревом, а также демонстрирует ключевую роль дыхания в мире материалов. И это возвращает нас к вопросу, с которого мы начали: как позволить слову встретиться с миром?

В одном из недавних текстов Ингольд заметил, что сложность разговора о дыхании коренится в вызове, который оно бросает установившемуся в социальной теории разрыву между вербализацией и воплощением: «как только мы убираем дыхание, слова расходятся с мышцами, попадая в отдельные регистры вербального познания и телесной [embodied] практики»¹⁰. Как показывает антрополог, это расхождение проистекает из укорененного в наших мыслительных традициях допущения, что тело есть сосуд, который можно наполнить неким содержанием. В основе этого допущения лежит то, что Ингольд именует логикой инверсии, то есть операции, исходя из которой линии движения превращаются в границы содержания. Но живое тело – это вовсе не контейнер, а «сложная топологическая конфигурация, допускающая непрерывный обмен материалами через свои замысловато сложенные поверхности»¹¹. Такая конфигурация не может быть ни открыта ни закрыта, а скорее находится в процессе открытия и закрытия, расширения и сжатия, то есть дыхания. Когда мы дышим, мышечное движение сливается с мыслью и речью, которые столь же тесно связаны друг с другом, как вдох и выдох, а пауза на вдохе является паузой для размышления. Таким образом, пишет Ингольд, говорение без пауз указывает вовсе не на когнитивное мастерство, а на бездумность и модернистское обесценивание души в пользу самости как сознания и способности к рефлексивному познанию, локализованной в теле. При таком раскладе разум и, как следствие, слово возносятся над телом, которое сводится к статусу безмолвного автомата. Но что насчет души?

10 ИДЕМ. *On Breath and Breathing: A Concluding Comment* // *Body & Society*. 2020. Vol. 26. № 2. P. 165–166.

11 Ibid. P. 162.

«Сворачиваясь на вдохе и разворачиваясь на выдохе, душа, как вихрь, есть место не отдыха, а смятения, [...место,] дрейфующее в потоке воздуха, который она временно отводит в сторону, в “поворот организма” [...] до его повторного высвобождения. Жить и дышать – не плыть по течению, а отклоняться от него, держаться против течения»¹².

То есть дышит именно душа как место отклонения, не локализованное ни внутри тела, ни за его пределами, но размыкающее само это тело, не давая ему превратиться в контейнер. Таким образом, начав с вопроса, как устранить границу между словом и миром, мы приходим к другому: как спасти душу от удушья в руках социальной теории?¹³

* * *

Сегодня вопрос о свежем воздухе особенно актуален. Хотя эпидемия объявлена уже давно и должна бы закончиться, некоторые из «заповедей» не утратили твердости: «Нам говорят, что пространство вокруг – там, где люди, – стало опасным. Нам говорят: не покидать дома, а если уж вышел, надеть маски, держать дистанцию»¹⁴. Едва ли стоит сомневаться в том, что сегодня воздух меняет пространство. Но разве «сверхтонкая» опасность, которой оно определяется, исходит от него? И да и нет – ведь, с одной стороны, ветер уже не просто ветер, а с другой, – держать дистанцию требуется вовсе не от него. Эта двойственность пружинит в памяти квазиэкзистенциалистскую проблему:

- Да, смертельная эпидемия действительно надвигается: вирус очень опасен, и антидота пока не существует.
- Значит, вы в курсе?
- Конечно. Это самая страшная из всех болезней. Она называется «другие люди»¹⁵.

Как бы ответил на эпидемию «других людей» антрополог, усматривающий в совместном дыхании сущность человеческой конвивиальности?¹⁶ Может ли эта сущность раскрыться в теории? *Последовательно* проводя линию практической теории как модуса обитания, Ингольд предложил бы снять перчатки и маски, так как «живое тело должно дышать» (р. 73), но вряд ли этот ответ удовлетворил бы всех.

12 Ibid. P. 165.

13 Ibid. P. 166.

14 Аронсон О. *Воздух [Физика общего чувства]* // Синий диван. 2020. № 24. С. 21.

15 БАЛЛАРД Дж. *Привет, Америка!* М.: АСТ, 2018. С. 174.

16 INGOLD T. *On Breath and Breathing...* P. 162.